

Научная статья

Научная специальность

5.1.3 «Частноправовые (цивилистические) науки»

УДК 347.77

DOI <https://doi.org/10.26516/2071-8136.2026.1.38>

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИ РАССМОТРЕНИИ ДЕЛ О ПРИНУДИТЕЛЬНОЙ ЛИЦЕНЗИИ ЛЕКАРСТВЕННЫХ ПРЕПАРАТОВ

© **Найденов К. Д., 2026**

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия

Проведено исследование о проблемах судебного доказывания по делам, возникающим из отношений по выдаче принудительной лицензии на изобретения, урегулированных п. 1 ст. 1362 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ). Особое внимание уделяется применению норм арбитражного процессуального права о распределении бремени доказывания в спорах о принудительном лицензировании. Анализируются средства доказывания по таким делам; сделан вывод о том, что преобладающую роль играют письменные доказательства, заключения экспертов и специалистов. По результатам изучения литературы, законодательства и судебной практики установлено, что п. 1 ст. 1362 ГК РФ впервые был применен в деле Арбитражного суда г. Москвы № А40-185112/2022. Констатируется отсутствие единого ответа на вопрос о распределении доказательственных обязанностей сторон в спорах о принудительном лицензировании, так как разные инстанции по-разному толковали положения ст. 1362 ГК РФ и ст. 65 АПК РФ. Предлагается возложить на истца, претендующего на использование изобретения, бремя доказывания следующих обстоятельств: 1) недостаточность использования правообладателем изобретения; 2) причинная связь между недостаточным использованием и недостаточностью предложения товаров на рынке; 3) относимость патента к изобретению ответчика как критерия готовности истца использовать изобретения. Сделан вывод о необходимости разработки обязательных разъяснений на уровне Верховного Суда РФ по данной категории дел.

Ключевые слова: медицинское право, принудительная лицензия, арбитражный процесс, обязанность доказывания.

PROCEDURAL FEATURES IN THE CONSIDERATION OF CASES ON COMPULSORY LICENSING OF MEDICINES

© **Naydenov K. D., 2026**

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russian Federation

A study has been conducted on the problems of judicial evidence in cases arising from relations for the issuance of compulsory licenses for inventions, regulated by paragraph 1 of Article 1362 of the Civil Code of the Russian Federation (hereinafter referred to as the Civil Code of the Russian Federation). Particular attention is paid to the application of the rules of arbitration procedural law on the distribution of the burden of proof in disputes on compulsory licensing. The means of proof in such cases are analyzed; the author comes to the conclusion that the predominant role is played by written evidence, expert opinions and specialists. Based on the results of the study of literature, legislation and judicial practice, it was established that paragraph 1 of Article 1362 of the Civil Code of the Russian Federation was first applied in the case of the Moscow Arbitration Court No. A40-185112/2022. It is noted that there is no single answer to the question of the distribution of evidentiary duties of the parties in disputes on compulsory licensing, since different instances interpreted the provisions of art. 1362 of the Civil Code of the Russian Federation and art. 65 of the APC of the Russian Federation in different ways. It is proposed to impose on the plaintiff claiming to use the invention the burden of proving the following circumstances: 1) insufficient use of the invention by the copyright holder; 2) the causal relationship between insufficient use and insufficient supply of goods on the market; 3) the relevance of the patent to the defendant's invention as a criterion for the plaintiff's willingness to use the inventions. It is concluded that it is necessary to develop mandatory clarifications at the level of the Supreme Court of the Russian Federation on this category of cases.

Keywords: medical law, compulsory license, arbitration proceeding, duty of proof.

Введение

В ходе изучения специальной литературы и действующих правовых актов установлено следующее. Нормативные положения о прину-

дительной лицензии, будучи исключением из общего правила о свободе договора и диспозитивности, предназначены для пресечения злоупотреблений правом со стороны патентообла-

дателей, а также для устранения провалов рынка [7, с. 61]. Соответствующие правила содержатся, например, в Парижской конвенции 1883 г.¹, в Приложении к Бернской конвенции 1886 г.², в статье V Всемирной конвенции об авторском праве³, в Соглашении по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности⁴.

Нормы о принудительном лицензировании содержатся и в национальном гражданском праве. Согласно действующей редакции ст. 1362 ГК РФ⁵, если изобретение «не используется либо недостаточно используется патентообладателем в течение четырех лет со дня выдачи патента, что приводит к недостаточному предложению соответствующих товаров, работ или услуг на рынке, любое лицо, желающее и готовое использовать такое изобретение... при отказе патентообладателя от заключения с этим лицом лицензионного договора на условиях, соответствующих установившейся практике, вправе обратиться в суд с иском к патентообладателю о предоставлении принудительной простой (неисключительной) лицензии на использование на территории Российской Федерации изобретения» (абз. 1 п. 1).

Методология

В задачи исследования входило описание, изучение и выявление процессуальных проблем, возникающих в делах о принудительном лицензировании в Российской Федерации. Настоящая работа основана на применении логического, диалектического, сравнительно-правового и формально-юридического методов. Активно используется сравнение, моделирование, синтез, анализ нормативного материала, правоприменительных актов и научной литературы.

Результаты исследования

В ходе работы над настоящей статьей было выявлено, что положения п. 1 ст. 1362 ГК РФ долгое время не применялись на практике. Эти положения впервые были применены в деле Арбитражного суда г. Москвы № А40-185112/2022, новые подобные дела в отечественной практи-

ке в настоящее время не возбуждались⁶. Дело № А40-185112/2022 прошло через три инстанции, судья Верховного Суда РФ в передаче кассационной жалобы отказал, с чем согласилась Председатель Верховного Суда РФ И. Л. Поднорова. В этом деле были выявлены как сложности материально-правовой квалификации спорных отношений, так и ряд процессуальных проблем, а именно: противоречия при распределении обязанностей по доказыванию обстоятельств, вытекающих из содержания ст. 1362 ГК РФ; противоположные подходы к доказыванию достаточности использования изобретения правообладателем, желания и готовности истца использовать изобретение ответчика.

Общие вопросы судебного доказывания

Прежде чем начать анализ судебных актов по делу № А40-185112/2022, начнем с общетеоретических и законодательных положений о бремени доказывания и средствах доказывания в гражданском процессе.

Бремя доказывания (onus probandi) – одна из самых обсуждаемых тем в науке процессуального права. Через законодательное определение бремени доказывания реализуются принципы диспозитивности и состязательности как краеугольный камень гражданского процесса. По общему правилу, каждая сторона должна доказать обстоятельства, на которые она ссылается как на основание своих требований и возражений (ч. 1 ст. 65 АПК РФ)⁷. Дореволюционное процессуальное законодательство предусматривало аналогичное правило: истец должен доказать свой иск, а ответчик обязан со своей стороны доказать свои возражения (ст. 366 Устава гражданского судопроизводства)⁸.

В процессуальной доктрине, с учетом действовавшего Устава гражданского судопроизводства, выработан следующий подход к распределению бремени доказывания: «Во всяком случае истец обязан доказать как принадлежность ему права, которое он отыскивает или оспаривает у ответчика, так и наличие повода к предъявлению иска... Ответчик обязан только

¹ Парижская конвенция по охране промышленной собственности (заключена в Париже 20.03.1883) // Ведомости Верховного Совета СССР. № 40. 1968.

² Бернская Конвенция по охране литературных и художественных произведений от 9 сент. 1886 г. // Бюллетень международных договоров. № 9. 2003.

³ Всемирная конвенция об авторском праве (заключена в г. Женеве 06.09.1952) // Бюллетень по авторскому праву. 1995. Т. 28, № 1; 1996. Т. 29, № 1; 1997. Т. 30, № 1.

⁴ Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности от 15 апр. 1994 г. // Гарант : справочная правовая система.

⁵ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 дек. 2006 г. № 230-ФЗ // Российская газета. 2006. 22 дек. (№ 289).

⁶ Решение АС г. Москвы от 29.05.2023 по делу № А40-195112/2022. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/0a497aee-9564-4487-a140-8d1e17fcfb0/9507930e-1f38-4ca3-8b1c-25f57c572d33/A40-185112-2022_20230529_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 20.09.2025).

⁷ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // Доступ из СПС КонсультантПлюс : справочная правовая система.

⁸ Устав гражданского судопроизводства от 20 ноября 1864 г. // Судебные уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны. Ч. 2. СПб. : Тип. Второго отд-ния Собств. е. и. в. канцелярии, 1866.

тогда опровергать объяснения истца, когда они подтверждаются надлежащими доказательствами, ибо сущность лежащей на ответчике обязанности доказать свои возражения состоит в опровержении тех обстоятельств, доказательств и доводов истца, которые, будучи не опровергнуты, могли бы послужить для суда основанием к признанию иска правильным» [8, с. 287].

Входящие в предмет доказывания факты принято разделять на положительные и отрицательные. Положительные факты говорят в пользу наличия определенного обстоятельства, отрицательные же свидетельствуют об обратном.

По смыслу положений ст. 65 АПК РФ, каждая сторона должна представить доказательства существования определенного обстоятельства. Иначе говоря, законодатель и судебная практика подразумевают, прежде всего, доказывание положительных фактов. Что же касается доказывания отрицательных фактов, то здесь возникают некоторые сложности. Согласно крылатому изречению римских юристов, «доказывается существование факта, а не его отсутствие». Встречается точка зрения, согласно которой доказывание отрицательных фактов, как правило, не представляется возможным, так как несостоявшиеся события и деяния «не оставляют следов»¹.

Тем не менее еще на рубеже XVII–XVIII вв. Генрих Кокцеи в своей работе «De directa probatione negativae» утверждал, что отрицательные факты сложно доказать не в силу самой их отрицательности, а только лишь в случае неопределенности этих фактов².

Е. А. Нефедьев тоже говорил о невозможности возложения обязанности доказать отрицательные факты лишь в том случае, если таковые являются неопределенными [5, с. 181]. Тем более что кассационная практика Сената уже выработала подход, согласно которому «можно доказывать в некоторых случаях и отрицательный факт, но не иначе, как представлением доказательств противоположного оному факта положительного»³.

Е. В. Васьковский отмечал: «...истец должен доказать только правопроизводящие факты, но не правопрекращающие и правопрепят-

ствующие, за исключением тех случаев, когда те и другие входят в состав основания иска» [1, с. 235–236]. При этом он полагал, что тезис о недопустимости доказывания отрицательных фактов основан на неправильном толковании изречений римских юристов: речь идет не о запрете требовать доказывания всех отрицательных фактов вообще, а о том, что сам ответчик не должен доказывать своего отрицания, но при этом на нем лежит бремя доказывания возражений на доводы истца.

В целом же процессуалисты и правоприменители склонны считать, что при распределении бремени доказывания стороны не должны доказывать своего отрицания. Исходя из такой логики, суд не вправе возлагать на сторону бремя доказывания отрицательного факта, однако он может перераспределить обязанность доказывания «обратного» положительного факта на другую сторону. Верховный Суд РФ уже высказывался о таком порядке перераспределения обязанности по доказыванию в деле № А56-19/2014.

В п. 1 ст. 1362 ГК РФ отсутствуют какие-либо презумпции и иные технические приемы распределения бремени доказывания. Лишь из абз. 2 указанного пункта следует, что патентообладатель должен доказать уважительность причин неиспользования или недостаточного использования своего изобретения. Соответственно, иных презумпций законодатель не устанавливает, в остальном действуют общие положения доказательственного права.

Если на примере п. 1 ст. 1362 ГК РФ сформулировать абстрактную модель поведения сторон в споре, то это может выглядеть следующим образом:

1. Истец утверждает о наличии обстоятельств, предусмотренных п. 1 ст. 1362 ГК РФ, – например о недостаточном использовании лекарственного препарата ответчиком, о причинной связи между неиспользованием изобретения и недостаточным спросом, о своей готовности использовать изобретение и т. д. В таком случае именно он должен предоставить доказательства, которыми подтверждаются его доводы, подтвердить существование таких правоустанавливающих фактов, как, например, наличие лицензии на ввоз лекарственных средств; правопрепятствующий факт отказа правообладателя заключить лицензионный договор; факты недостаточного использования лекарственного препарата и наличие причинной связи между фактическим использованием и объемом предложения лекарства на рынке. В противном случае в иске должно быть

¹ Определение СКЭС Верховного Суда Российской Федерации от 29.10.2018 по делу № А32-42517/2015 // КонсультантПлюс : справочная правовая система ; Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 19 сент. 2014 г. по делу № А56-35904/2013 // Там же ; Постановление 12 ААС от 24 февр. 2025 г. по делу № А12-365/2021 // Там же.

² Теория отрицательных фактов. URL: https://zakon.ru/blog/2021/4/2/teoriya_otricatelnyh_faktov#_ftnref1 (дата обращения: 20.09.2024)

³ *Negativa non probantur*. URL: https://zakon.ru/blog/2019/12/30/negativa_non_probantur#_ednref4 (дата обращения: 21.09.2025)

отказано в связи с невыполнением возложенной законом обязанности по доказыванию.

2. Ответчик в ответ на представленные истцом доказательства возражает, говоря о достаточном использовании лекарства или об уважительных причинах недостаточного использования препарата, об отсутствии у самого истца реальной возможности использовать изобретение и т. д. И тогда именно на ответнике, опровергающем доводы своего оппонента, лежит бремя доказывания факта использования изобретения или уважительности причин недостаточного использования препарата. Если ответчик по результатам своей процессуальной активности не опроверг доводы истца, то иск подлежит удовлетворению.

В то же время ответчик не доказывает отрицательные факты, такие как отсутствие причинной связи между неиспользованием (недостаточным использованием) лекарственного средства и низким предложением товара на рынке, неготовность истца к использованию изобретения. Обратное должен доказывать именно истец, исходя из сложившегося подхода к установлению отрицательных фактов.

Средства доказывания в спорах о принудительной лицензии. Согласно действующему АПК РФ, к средствам доказывания в любом виде арбитражных споров относятся: письменные доказательства (ст. 75); вещественные доказательства (ст. 76); объяснения лиц, участвующих в деле (ст. 81); заключения экспертов (ст. 82–87); консультации специалистов (ст. 87.1); показания свидетелей (ст. 88); аудио- и видеозаписи, иные документы и материалы (ст. 89).

В контексте освещаемой темы ключевое значение имеют *письменные доказательства*. К ним относятся, в частности: проекты лицензионных договоров, письменные отказы в совершении акцепта оферты, решения уполномоченных органов о государственной регистрации интеллектуальных прав и о государственной регистрации самих лекарственных средств, договоры поставки и перевозки, таможенные декларации на ввоз упаковок лекарственных средств в Российскую Федерацию, акты консилиумов врачей или врачебной комиссии (например, протоколы НИИ пульмонологии ФМБА России, в которых решается вопрос о назначении таргетной терапии пациентам с муковисцидозом).

На наш взгляд, в рамках изучаемой категории дел сторонам нужно добиваться проведения экспертизы или привлечения специалиста. Поскольку в настоящей статье речь идет о ле-

карственных средствах как изобретениях, то для большей уверенности суда в достоверности установленных обстоятельств необходимы специальные знания. Так, в рамках экспертизы можно установить наличие или отсутствие причинной связи, о которой говорится в ст. 1362 ГК РФ, или же относимость предлагаемого к ввозу на территорию Российской Федерации лекарственного препарата истца к патенту на изобретение ответчика (это можно сделать и с помощью специалиста).

Гораздо меньшее значение с точки зрения критериев достоверности и достаточности доказательств имеют объяснения лиц, участвующих в деле, свидетельские показания и вещественные доказательства. С учетом коммерческих отношений в сфере фармацевтики, данные средства доказывания вряд ли в полной мере отвечают критериям достоверности в отсутствие других сведений, к тому же факты, перечисленные в п. 1 ст. 1362 ГК РФ, обычно известны только самим субъектам фармацевтического рынка, но не рядовым гражданам, поэтому свидетели по таким делам не могут дать судье точную информацию.

В контексте ст. 89 АПК РФ, в спорах о принудительной лицензии целесообразно использовать такие доказательства, как видеозаписи, скриншоты деловой переписки, а также вступившие в законную силу судебные акты об обязанности органов исполнительной власти субъектов РФ в области здравоохранения произвести закупку лекарственных средств в пользу нуждающихся пациентов, материалы исполнительных производств и решения антимонопольных органов по вопросам проведения аукционов с участием правообладателя, официальные ответы участников оборота лекарственных средств относительно участия в закупках, поставках и ввозе препаратов в Российскую Федерацию.

Специфика работы с доказательствами в делах о принудительном лицензировании заключается в том, что из-за «каучуковых» положений п. 1 ст. 1362 ГК РФ доказательства в таких спорах будут для суда являться косвенными: если одно и то же правовое понятие позволяет принципиально по-разному оценивать обстоятельства дела, то доказательства, как правило, наведут судью на два взаимоисключающих вывода – как о существовании искомого факта, так и об отсутствии спорного обстоятельства.

Поскольку дела о принудительном лицензировании законодатель не выделил в особую категорию споров (в отличие, например, от дел о банкротстве), то здесь применяется об-

щий для всех дел искового производства стандарт доказывания – *баланс вероятностей*, при котором судья решает вопрос доказанности спорных обстоятельств на основе критерия разумной степени достоверности; при таком подходе к доказыванию судье не нужна абсолютная убежденность в истинности спорного факта.

Дело № А40-185112/2022: как *onus probandi* решило судьбу лицензии

Фабула спора. ООО «Медицинская исследовательская компания» (далее – ООО «МИК», Истец) обратилось к «Вертекс Фармасьютиклз Инкорпорейтед» (далее – Ответчик, Правообладатель, компания «Вертекс») с иском об обязанности компании «Вертекс» заключить лицензионный договор об использовании на территории Российской Федерации изобретений, охраняющихся 12 патентами. В качестве третьего лица в порядке ст. 51 АПК РФ привлечено АО «Санофи Россия», являющееся официальным дистрибьютором препарата Правообладателя.

Речь идет о лекарственном препарате с торговым наименованием «Трикафта», предназначенном для лечения муковисцидоза – тяжелого наследственного заболевания, вызванного генной поломкой, которая существенно сокращает медианную продолжительность жизни пациента. Упомянутое лекарственное средство относится к CFTR-модуляторам, которые воздействуют непосредственно на белки, пораженные мутациями; на сегодняшний день это является наиболее эффективным способом лечения муковисцидоза, повышает выживаемость пациентов и увеличивает качество их жизни при своевременном назначении. Препарат был зарегистрирован в 2019 г. в США, на 2022 г. рыночная стоимость составляла свыше 20 тыс. долл.

ООО «МИК», в свою очередь, является стороной договора с дистрибьютором аргентинской компании «Тутер», производителя лекарственного препарата «Трилекс» – дженерика «Трикафты». Именно в целях импорта «Трилексы» в Российскую Федерацию ООО «МИК» обратилось с требованием о принудительном лицензировании. В обоснование своей позиции ООО «МИК» со ссылками на публикации из СМИ утверждало о недоступности «Трикафты» для большинства пациентов из-за ее дороговизны, отмечало значительную дешевизну «Трилексы» по сравнению с «Трикафтой» (8,15 тыс. против 20 тыс. долл.), а также на «эффект санкций» и угрозу ухода производителя «Трикафты» с российского рынка.

Мнение суда первой инстанции. При разрешении спора суд исследовал такие доказательства, как объяснения сторон и третьего лица, таможенные декларации, ответ фонда «Круг добра» (создан в соответствии с Указом Президента РФ от 5 января 2021 г. № 16)¹, Регистр пациентов с муковисцидозом за 2020 г., материалы российских и зарубежных СМИ, отчет патентного поверенного. Арбитражный суд г. Москвы поддержал доводы Правообладателя и отказал Истцу в удовлетворении его требований².

Позиция суда первой инстанции в решении от 29 мая 2023 г. строилась на следующем:

1. В предмет доказывания по делам о принудительном лицензировании суд включил: факт недостаточности использования изобретения, что приводит к недостаточному предложению на рынке товаров, работ или услуг, относящихся к изобретениям, в отношении которых испрашивается принудительная лицензия; наличие у лица, испрашивающего принудительную лицензию, готовности и возможности использования изобретения, полезной модели или промышленного образца; факт обращения истца к правообладателю с предложением заключить лицензионный договор, соответствие такого лицензионного договора установившейся практике; возможность введения препарата «Трилекс» в гражданский оборот на территории России (исполнимость судебного акта о предоставлении принудительной лицензии).

2. Исходя из ст. 65 АПК РФ именно ООО «МИК» как испрашивающее принудительную лицензию лицо было обязано доказывать неиспользование или недостаточное использование соответствующего изобретения.

Полагаем, что данный вывод основан на правильном толковании ст. 65 АПК РФ, полностью соответствует как доктринальным подходам к распределению *onus probandi*, так и установленным законом и подтвержденным судебной практикой общим правилам о доказывании в арбитражном судопроизводстве. Поскольку истец утверждал о наличии факта недостаточного использования лекарственного препарата, он вынужден доказывать свои доводы под угрозой отказа в иске.

¹ О создании Фонда поддержки детей с тяжелыми жизнеугрожающими и хроническими заболеваниями, в том числе редкими (орфанными) заболеваниями, «Круг добра»: указ Президента РФ от 5 янв. 2021 г. № 16 // Гарант: справочная правовая система.

² Решение АС г. Москвы от 29.05.2023 по делу № А40-195112/2022. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/0a497aee-9564-4487-a140-8d1e17fcfb0/9507930e-1f38-4ca3-8b1c-25f57c572d33/A40-185112-2022_20230529_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 20.09.2025).

В фармацевтических спорах аналогичного мнения об *onus probandi* придерживается и зарубежный правоприменитель. Так, Федеральный верховный суд ФРГ отменил нижестоящий судебный акт и отказал в удовлетворении требований о выдаче принудительной лицензии в пользу заявителя, ибо последний не доказал, что лекарственный препарат правообладателя не реализуется на рынке¹. Таким образом, иностранный правопорядок тоже предполагает возложение именно на истца обязанности доказывать факт недостаточности использования изобретения правообладателем.

3. Суд учел, что Истец не оспаривал использование препарата «Трикафта» в обороте на территории России. Сама же компания «МИК» указывала, что в обороте данного препарата в России участвует АО «Санофи Россия», чем по сути подтвердила невыгодный для себя факт реализации компанией «Вертекс» спорного препарата.

4. С учетом пояснений Ответчика суд установил, что спорный препарат вводится в гражданский оборот в России как посредством деятельности фонда «Круг добра», так и путем поставок по итогам заключенных контрактов в соответствии с законодательством о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд. На основании пояснений Правообладателя установлено, что компания «Вертекс» не намерена прекращать поставки лекарственного препарата на территорию Российской Федерации.

В частности, арбитражный суд учел представленный ответчиком ответ фонда «Круг добра». Данным документом доказан факт закупки оригинального лекарственного препарата «Трикафта», включая 3950 упаковок за период с января по сентябрь 2022 г., при этом в ответе подчеркнуто, что со стороны российского поставщика – АО «Санофи Россия» не было нарушений договорных обязательств по поставке указанного препарата.

5. Одним из важнейших замечаний, изложенных в решении суда первой инстанции, является тезис о том, что лекарственный препарат Ответчика вводится в гражданский оборот по жизненным показаниям пациентов. Достаточность использования изобретения подтверждена на основе представленных ответчиком таможенных деклараций, в которых зафиксированы регулярные поставки оригинального лекарственного препарата «Трикафта» в Российскую Федерацию.

¹ Судебное решение X ZR 26/92 от 5 дек. 1995 г. URL: <https://clck.ru/UM9cz> (дата обращения: 20.09.2025).

6. На Истце лежит бремя доказывания его утверждений о желании и готовности использовать соответствующее изобретение. Важной составляющей критерия готовности Истца использовать изобретения Ответчика, по мнению суда, является относимость лекарственного средства, которое Истец намерен ввозить в Россию, к охраняемому патентами Ответчика изобретению.

Суд первой инстанции при оценке готовности Истца использовать изобретение указал, что ООО «МИК» должно было представить, в частности, сведения о лекарственном средстве, которое Истец намеревается ввозить в Россию; информацию о стране регистрации лекарственного средства; о его производителях; об объемах, которые Истец собирается ввозить. Эти данные ООО «МИК» не представило.

Приведенные замечания суда полагаем особенно ценными, поскольку готовность ввозить такой социально значимый объект оборота, как лекарственные средства, должна быть подтверждена достоверными фактами, которые гарантируют безопасность и эффективность изобретения. Суд на основе оценки представленных доказательств должен как минимум на 51 % доверять доводам стороны («скорее да, чем нет»).

Как известно из средств массовой информации, лекарственный препарат «Трилекс», на ввозе которого в Россию настаивала «МИК», разработан в Аргентине, но на территории самой Аргентины не назначается, местные врачи не могут дать точную информацию о его свойствах и качествах, какие-либо данные о клинических исследованиях «Трилексы» отсутствуют².

С учетом того, что «Трилекс» – генный корректор (!!!) для лечения тяжелых наследственных заболеваний, отсутствие прозрачной информации об этой субстанции вызовет сомнения у любого здравомыслящего, не лишённого инстинкта самосохранения обывателя, не говоря уже про судей и профессиональных участников фармацевтического рынка. Поэтому суд правомерно пришел к выводу о невыполнении Истцом обязанности представить доказательства, позволяющие сделать вывод об относимости названных в договоре Истцом патентов как к препарату, который Истец намеревался ввозить в Россию, так и к оригинальному препарату «Трикафта».

Также суд первой инстанции отметил, что независимые пункты спорных патентов включают

² Лекарство подешевле. Людям с муковисцидозом закупили неисследованный дженерик на миллионы рублей. URL: <https://www.pravmir.ru/a-esli-s-pacientami-chto-to-sluchitsya-v-pyati-regionah-zakupili-neissledovannoe-lekarstvo-iz-argentina/> (дата обращения: 20.09.2025)

в себя как способы лечения, так и способы производства. Истец же ни в исковом заявлении, ни в досудебном письме не обозначил конкретные независимые пункты формулы изобретений, в отношении которых необходима лицензия. Представленный Истцом отчет патентного поверенного также не содержит подобных сведений, в нем лишь дается описание патентов. Так как ООО «МИК» не является врачебной организацией или фармацевтическим производителем, то приведенные им доказательства и выявленные факты не позволяют подтвердить наличие возможности или законного интереса ООО «МИК» в использовании патентов.

Подобные аргументы суда также представляются нам чрезвычайно интересными. Первая инстанция не подошла к делу сугубо формально, а детально изучила доказательства материально-правового статуса Истца, связь статуса с содержанием патента и документами патентного поверенного и на основе совокупности обстоятельств пришла к мотивированному выводу. Это положительный пример правоприменительной техники, когда каждому доказательству дается надлежащая, логически стройная оценка.

7. Суд критически отнесся к ссылке «МИК» на сведения из Регистра пациентов с муковисцидозом в Российской Федерации за 2020 г., притом что сам Истец не привел аналогичный регистр за последующие два года, что не может свидетельствовать о недостаточности использования патентов Ответчиком.

8. При оценке представленных Истцом источников доказательств суд не выявил каких-либо фактов, свидетельствующих о том, что Ответчик, или Третье лицо, или иные лица по поручению Ответчика отказывали в поставках лекарственного препарата «Трикафта».

Судом совершенно верно отмечено, что вопрос назначения препарата тому или иному пациенту относится к полномочиям лечащего врача, но не к компетенции Ответчика – субъекта фармацевтической деятельности. Об этом говорит не только здравый смысл, но и ст. 2, 48, 73 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»¹. В судебном акте предельно четко указано: «Ответчик не является организатором системы государственных закупок лекарственного препарата... не от Ответчика зависит вопрос назначения конкретного препа-

рата конкретному пациенту и определение протипоказаний в каждом конкретном случае».

Здесь снова согласимся с выводами суда. Несмотря на то что препарат «Трикафта» предназначен для лечения лиц, страдающих муковисцидозом, это не говорит о его универсальности для всех генных мутаций и для всех пациентов. У разных людей одно и то же заболевание (не говоря уже о муковисцидозе) протекает совершенно по-разному и требует индивидуальной стратегии лечения – по смыслу ст. 69 АПК РФ это общеизвестный факт, – только лечащий врач может решить вопрос об эффективности использования лекарственного средства для конкретного пациента, и это само по себе изначально ограничивает предложение препарата на рынке помимо воли правообладателя.

Для практикующего юриста и для исследователя, занимающегося медицинским правом, это еще одно ценное замечание суда, поскольку в нем учтена специфика оборота лекарственных средств для надлежащей юридической квалификации критерия достаточности их использования.

9. Также суд, оценивая достаточность использования изобретения, отметил: «Факт деятельности ответчика по обеспечению поставок оригинального лекарственного средства на российский рынок также освещается в средствах массовой информации». Правовая природа публикаций из средств массовой информации в контексте доказательственного права вызывает споры. Встречается мнение, согласно которому такие публикации представляют собой разновидность непроцессуальной информации [3, с. 286].

На уровне Верховного Суда РФ не дано однозначного ответа о месте СМИ среди источников доказательств. В изучаемом судебном акте также не дана правовая квалификация газетной статьи как средства доказывания, что, на наш взгляд, является упущением, хотя при оценке достаточности использования препарата суд первой инстанции в целом дал надлежащую оценку всем иным имеющимся доказательствам.

10. Из 12 патентов, указанных ООО «МИК» в договоре, в отношении двух из них не истекли установленные ГК РФ 4-летние сроки, с чем впоследствии согласился сам Истец. В случае удовлетворения исковых требований подобная ситуация препятствовала бы принципу исполнимости судебных решений.

На наш взгляд, анализируемое решение с точки зрения подхода к распределению бремени доказывания основано на общепринятом понима-

¹ Об охране здоровья граждан в Российской Федерации : федер. закон от 21 нояб. 2011 г. № 323-ФЗ // КонсультантПлюс : справочная правовая система.

нии норм арбитражного процессуального права, соответствует принципам диспозитивности и состязательности, отвечает целям и задачам арбитражного судопроизводства и устоявшейся практике.

Спорным является включение в бремя доказывания исполнимости решения о ввозе в Российскую Федерацию препарата, поскольку из п. 1 ст. 1362 ГК РФ не следует обязательного установления данного факта как подлежащего доказыванию в контексте понуждения к заключению договора.

Апелляция и кассация: поворот на 180 градусов. По результатам рассмотрения дела Девятым арбитражным апелляционным судом решение суда первой инстанции было отменено, новым судебным актом искивые требования удовлетворены¹. Суд по интеллектуальным правам согласился с судом апелляционной инстанции, оставив его постановление в силе².

Позиция арбитражных судов апелляционной и кассационной инстанций сводится к следующим постулатам:

1. В предмет доказывания по делам о принудительном лицензировании вышестоящие суды включили:

- недостаточность использования изобретения, что приводит к недостаточному предложению на рынке товаров, работ или услуг, относящихся к изобретениям, в отношении которых испрашивается принудительная лицензия;

- наличие у лица, испрашивающего принудительную лицензию, готовности и возможности использования изобретения, полезной модели или промышленного образца;

- факт обращения истца к правообладателю с предложением заключить лицензионный договор, соответствие такого лицензионного договора установившейся практике.

При этом суды здесь справедливо не согласились с выводами первой инстанции о проверке возможности ввоза препарата в Российскую Федерацию, так как вопрос исполнимости судебного акта не соотносится с возможностью заключения лицензионного соглашения.

¹ Постановление 9 ААС от 25 сент. 2023 г. по делу № А40-185112/2022. URL: https://mkad.arbitr.ru/Document/Pdf/0a497aee-9564-4487-a140-8d1e17fcfb0/78514371-8c45-48ef-a5ba-e77b4fd29f1b/A40-185112-2022_20230925_Postanovlenie_apelljacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 20.09.2025).

² Постановление Суда по интеллектуальным правам от 16 янв. 2024 г. по делу № А40-185112/2022. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/0a497aee-9564-4487-a140-8d1e17fcfb0/8b75d880-da1b-429a-8925-bc9defccb38a/A40-185112-2022_20240116_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 21.09.2025).

2. По смыслу п. 1 ст. 1362 ГК РФ суд первой инстанции нарушил принцип правильного распределения бремени доказывания, возложив обязанность доказывания неиспользования или недостаточного использования изобретения на истца. Кроме того, при оценке готовности использования Истцом изобретения компании «Вертекс» апелляционная инстанция переместила на последнюю обязанность по доказыванию или опровержению факта относимости патентов, перечисленных в лицензионном договоре, препарату «Трикафта», так как ответчик «обладает всей полнотой информации о том, какие из изобретений ответчика относятся к препарату». Очевидно, апелляция здесь попыталась применить подход к распределению доказательственных обязанностей в зависимости от удобства доказывания.

В свое время еще Б. В. Попов предлагал концепцию, в соответствии с которой сомнительный для правосудия факт доказывается той стороной, которая имеет больше возможностей для представления соответствующего доказательства, и если субъект процесса, например, скрывал имеющиеся у него сведения или иным образом был «виноват в бессилии правосудия найти правду», то суд истолкует спорный факт не в пользу такой стороны [6, с. 7, 8].

В судебной практике хотя нередко и встречаются случаи применения такого подхода к пониманию ст. 65 АПК РФ, но подобный подход применяется дозированно, так как не является всеобъемлющим [4, с. 77, 78]. Он в большей степени направлен на защиту слабой стороны посредством перекалывания обязанности по доказыванию на более сильную сторону в правоотношении или на иную сторону, у которой было больше возможностей для представления доказательств в каждом конкретном случае – например, в трудовых спорах бремя доказывания возлагается на работодателя, в административных делах – на органы публичной власти и т. д.³

Апелляционная инстанция перераспределила обязанность доказывания прямо противоположным образом, т. е. на правообладателя. Как уже ранее было сказано, п. 1 ст. 1362 ГК РФ – исходя из буквального ее толкования – возлагает на правообладателя лишь бремя доказывания уважительности причин неиспользования или

³ Также эта концепция к распределению доказательственного бремени применяется высшими судами РФ – см., например, п. 5 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 4 окт. 2002 г. № 70, п. 1 Обзора судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующего должника и аффилированных с ним лиц.

недостаточного использования препарата, а применительно к доказыванию остальных фактов, указанных в диспозиции данной нормы, действуют общие положения АПК РФ об *onus probandi*.

Кроме того, не представляется возможным в постановлении апелляционной инстанции найти надлежащую мотивировку того, почему только Ответчик знает, какие из его изобретений относятся к препарату. Сведения о патентах и охраняемых изобретениях компании «Вертекс» имеются на официальном сайте ФИПС в открытом доступе, а сведения о препарате «Трилекса» на момент рассмотрения дела имелись лишь в СМИ и носили разрозненный, обрывочный характер, врачи по сей день ничего не могут сказать об этом препарате, а ООО «МИК», как выяснил суд первой инстанции, не представило в материалы дела информацию о препарате, который намеревалось ввозить. И тогда даже по принципу «удобства доказывания» все равно бремя доказывания оставалось бы на Истце, как и риски проигрыша дела в связи с непредставлением сведений, которые могли быть известны только ООО «МИК». Поэтому изложенное судом апелляционной инстанции толкование закона и обращение с правилами доказывания вызывает вопрос о профессиональной пригодности как судей апелляционной инстанции, так и судей Суда по интеллектуальным правам, поддержавших эту позицию.

3. Компания «Вертекс», без учета поставок для фонда «Круг добра», ввезла на территорию Российской Федерации всего 1092 упаковки «Трикафты», этого достаточно для обеспечения годовой потребности лишь 8 % от числа всех пациентов с муковисцидозом старше 18 лет, что свидетельствует о недостаточности использования препарата.

Апелляционная инстанция исходила из того, что, согласно сведениям из Регистра пациентов с муковисцидозом, на 2020 г. из 987 пациентов в возрасте от 18 лет не менее 700 человек имели мутацию гена, для лечения которой подходят «Трикафта» и «Трилекса». При этом судами всех инстанций на основании пояснений ответчика и представленных им таможенных деклараций установлено, что всего в Российскую Федерацию на момент рассмотрения дела было правомерно ввезено 5042 упаковки лекарственного препарата «Трикафта», включая 3950 упаковок, переданных фонду «Круг добра» для пациентов в возрасте от 6 до 18 лет за два года, предшествующих обращению Истца в суд.

Сам же 9 ААС отметил, что пациенты с диагнозом муковисцидоз в возрасте от 6 до 18 лет обеспечиваются таргетной терапией в достаточных количествах через фонд «Круг добра». Кроме того, апелляционная инстанция не опровергла выводы суда первой инстанции относительно зависимости объема оборота лекарственных средств от решений лечащего врача в отношении каждого отдельно взятого пациента.

С учетом содержания п. 28 ст. 4 Федерального закона от 12 апреля 2010 г. № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств», закупка упаковок «Трикафты» благотворительной организацией подпадает под легальное определение обращения лекарственных средств¹. Кроме того, суд первой инстанции подчеркнул, что представление Истцом сведений из Регистра пациентов с муковисцидозом лишь за 2020 г. (без учета последующих двух лет к моменту обращения с иском) не подтверждает недостаточность использования препарата. Поэтому выводы суда апелляционной инстанции про 1092 упаковки лекарственного препарата без учета количества пациентов в другие периоды и решений врачебных комиссий и консилиумов являются спорными.

4. Суд апелляционной инстанции также сослался на российские и зарубежные СМИ, в том числе на представленную ООО «МИК» в материалы дела копию статьи, вышедшей в газете *The New York Times*. В публикации отмечено, что компания «Вертекс» существенно завышает стоимость «Трикафты» и создает тем самым проблему недоступности препарата для множества пациентов по всему миру.

О спорной правовой природе газетных статей уже сказано выше. Общеизвестно, что СМИ преследуют цель не только и не столько объективно отразить какие-либо события, но и сформировать определенное отношение общественности к этим событиям или к определенным лицам. Это может быть разного рода диффамация, клевета, недобросовестная конкуренция и иная информация аморального или противоправного характера.

Кроме того, апелляционный суд, сославшись на статью, тоже фактически не дал правовую оценку – непонятно, в качестве какого средства доказывания эту публикацию следовало считать. Соответственно, в отсутствие заключений эксперта или консультаций специалиста и с учетом фразивной оценки таможенных деклараций

¹ Об обращении лекарственных средств: федеральный закон от 12 апр. 2010 г. № 61-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // Парламентская газета. 2010. № 19–20, 16 апр.

Ответчика и ответа фонда «Круг добра» ссылка суда на материалы The New York Times как на обоснование вывода о недостаточности использования сомнительна.

5. Суд апелляционной инстанции на основе данных ЕИС «Закупки» установил, что в течение 2021–2023 гг. 18 процедур закупки лекарственных препаратов с международным непатентованным наименованием «Элексакафтор/ивакафтор/тезакафтор+ивакафтор» были признаны несостоявшимися по причине отсутствия заявок от участников. «Ни ответчик, ни его дистрибьюторы не участвовали в 18 торгах, имевших целью обеспечение российских пациентов лекарственными препаратами с МНН «Элексакафтор/ивакафтор/тезакафтор+ивакафтор».

В решении суда первой инстанции подобные обстоятельства не были отражены, постановление суда кассационной инстанции тоже не содержит упоминания об отмене 18 торгов. В связи с ограниченностью сведений мы не можем как упрекать суд первой инстанции в неполном установлении имеющих значение для дела обстоятельств, так и утверждать о выходе апелляционного суда за пределы своих полномочий.

Количество закупочных процедур, в которых не участвовал правообладатель или его дистрибьютор, само по себе не должно являться определяющим критерием. Нужно в каждом конкретном случае соотносить начальную цену контракта и рыночную стоимость партии лекарственного препарата.

Например, если начальная максимальная цена контракта едва превышает 1 млн руб., то объем такой закупки составляет лишь одну упаковку «Трикафты», и тогда неучастие в таких закупочных процедурах не может рассматриваться как недостаточное использование.

Другое дело, когда начальная максимальная цена закупки составляет около 30 млн руб. – стоимость годовой партии «Трикафты», а правообладатель или дистрибьютор не подавали заявку на участие в такой закупке, то подобное поведение действительно можно расценивать как недостаточное использование препарата.

Однако суды не вникали в фактическое количество нереализованной продукции во всех несостоявшихся закупочных процедурах и не отразили данное обстоятельство, что не отвечает требованию обоснованности судебного решения.

6. Апелляционная инстанция, определяя объем доказательственной работы ООО «МИК», истолковала п. 1 ст. 1362 ГК РФ таким образом, что Истец в деле о предоставлении принудитель-

ной лицензии должен доказать только желание и готовность использовать изобретения, в отношении которых испрашивается лицензия. Такой подход к распределению *onus probandi* является непропорциональным, противоречит принципам арбитражного процессуального права и гражданского права. Подобное «радение» суда апелляционной инстанции и Суда по интеллектуальным правам по отношению к Истцу не имеет ничего общего с поддержанием баланса интересов сторон, о котором говорил Верховный Суд РФ, а также противоречит сложившейся позиции Конституционного Суда РФ о необходимости толкования закона таким способом, который в наибольшей степени защищает права человека и гражданина с учетом баланса конституционно значимых ценностей [2, с. 119].

Истец и Ответчик в данном случае являлись равноправными участниками гражданского оборота, к Истцу не мог применяться принцип защиты слабой стороны по вопросу *onus probandi*. Кроме того, материально-правовая норма ст. 1362 ГК РФ является исключением из общего правила о свободе договора, в таком случае Истец был в позиции понуждающего лица, соответственно, в целях подлинного обеспечения баланса интересов суд не должен был утяжелять положение правообладателя-ответчика в плоскости доказательственных обязанностей.

7. Вышестоящие суды полагали, что Истцом подтвержден, а ответчиком и третьим лицом не опровергнут факт того, что на момент рассмотрения дела в суде первой инстанции «Трилекса» и «Трикафта» не были зарегистрированы в Российской Федерации. Ко времени рассмотрения дела судом второй инстанции «Трикафту» зарегистрировали, но сам по себе факт регистрации лекарственного препарата «не подтверждает достаточность предложения товаров на рынке, так как не налагает на правообладателя изобретений каких-либо обязательств по поставкам соответствующих препаратов».

Конечно, здесь можно согласиться с выводами судов об отсутствии гарантий достаточности использования изобретения в случае государственной регистрации препарата. Факт государственной регистрации лишь подтверждает прозрачность и легальность оборота лекарственного средства, но не предполагает установления минимальных объемов производства и распределения партий препарата. Тем не менее Суд по интеллектуальным правам в одном из ранее рассмотренных споров отмечал, что подготовка к регистрационным действиям есть уважительная

причина временного неиспользования или недостаточного использования изобретения¹. Однако из всех инстанций эту позицию учел лишь АС г. Москвы.

8. Апелляция и кассация указали, что ст. 1362 ГК РФ не требует использовать в качестве доказательств сведения о товарах лица, обращающегося за принудительной лицензией, включая сведения о стране регистрации, о производителе и иные. В связи с этим суды сочли неправильной точку зрения суда первой инстанции о том, что Истец не доказал готовность и возможность использования препарата. То есть вышестоящие инстанции соглашались с необходимостью проверки относимости лекарственных средств к патентам, указанным в лицензионном договоре Истца, но при этом отрицают необходимость проверки всех имеющихся в деле доказательств.

В этой части выводы судов противоречат как ст. 1362 ГК РФ, которая не ограничивает стороны в средствах доказывания, так и статьям АПК РФ о принципах арбитражного процесса и о доказательствах. Исходя из принципов состязательности, всесторонности судебного разбирательства и обоснованности судебных решений, стороны, по общему правилу, свободны в представлении доказательств, отвечающих установленным законом критериям, а суд дает оценку каждому из этих доказательств и отражает результаты оценки доказательств в мотивировочной части судебного акта.

Говоря об определении судьей Верховного Суда РФ об отказе в передаче жалобы для рассмотрения в судебном заседании, с точки зрения правоприменительной техники оно является шаблонным. Фактически судья-докладчик ограничился общими формулировками о законности и обоснованности судебных актов в отсутствие какой-либо развернутой мотивировки.

Согласие Верховного Суда РФ с судебными актами, которые основаны на неверном толковании норм материального и процессуального права и противоречат устоявшимся подходам к распределению бремени доказывания, свидетельствует об упадке качества работы высшей судебной инстанции. Эта ситуация может создать потенциальную угрозу вынесения еще большего числа неправосудных решений в данной области, поскольку практика в сфере принудительного лицензирования находится в зачаточном состо-

янии и зависит от правовых позиций Суда по интеллектуальным правам и Верховного Суда РФ.

Заключение

По результатам анализа настоящего дела мы приходим к следующим выводам:

1. Дело № А40-185112/2022 – первый случай применения п. 1 ст. 1362 ГК РФ, это первый шаг к формированию практики применения данной нормы и положений АПК РФ о доказывании обстоятельств, изложенных в данной статье.

2. Суды вышестоящих инстанций правильно определили предмет доказывания по данному делу, отграничив вопрос возможности ввоза препарата – изобретения в Российскую Федерацию от изложенных в ст. 1362 ГК РФ обстоятельств.

3. Центральной проблемой этого дела стало распределение бремени доказывания. Если суд первой инстанции согласно ст. 65 АПК РФ возложил бремя доказывания перечисленных в ст. 1362 ГК РФ обстоятельств на истца, то апелляционная и кассационные инстанции переложили обязанность по доказыванию на ответчика всех обстоятельств, кроме желания и готовности истца использовать изобретение ответчика. Двумерно противоположные подходы, продемонстрированные судом первой инстанции и вышестоящими судами, привели к прямо противоположным решениям. С точки зрения доктрины и устоявшейся практики относительно *onus probandi* наиболее правильным является решение суда первой инстанции, отмененное апелляционной инстанцией.

4. Сложность доказывания критерия достаточности использования лекарственных средств: если суд первой инстанции учел все ввезенные на территорию Российской Федерации упаковки препарата в количестве 5042 штук и расценил это как достаточное использование лекарства, то 9-й ААС и Суд по интеллектуальным правам «вычеркнули» закупленные фондом «Круг добра» упаковки и пришли к выводу, что 1092 упаковки удовлетворили потребности минимального числа совершеннолетних пациентов с муковисцидозом. При этом только суд первой инстанции отметил, что объем оборота лекарств зависит в том числе от решений лечащего врача и от установленного порядка проведения государственных закупок и ввоза лекарственных средств в Российскую Федерацию.

5. При оценке готовности и реальной возможности истца использовать изобретение суды всех инстанций затронули вопрос доказывания относимости патента к препарату как истца, так

¹ Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 1 июня 2022 г. по делу № СИП-983/2021 // КонсультантПлюс : справочная правовая система.

и ответчика. С точки зрения фармацевтической деятельности это особенно важно, поскольку при надлежащем применении норм материального и процессуального права исследование факта относимости патента к препарату позволяет оградить правообладателя от «сторонних» участников гражданского оборота.

Кроме того, при установлении готовности и реальной возможности истца использовать изобретение правообладателя, суд первой инстанции обратил внимание на отсутствие указаний на конкретные пункты патента, что не позволяло подтвердить заинтересованность заявителя в заключении лицензионного договора.

6. Удручающим фактом является уклонение Верховного Суда РФ от принятия к производству кассационной жалобы и вынесения прецедентного решения, которое бы упорядочило практику применения арбитражно-процессуальных норм о доказывании в спорах о принудительном лицензировании. Согласие с постановлениями судов апелляционной и кассационной инстанций, которые противоречат принципам арбитражного процесса, ставит под угрозу существование правильного подхода к распределению бремени доказывания.

В связи с этим мы предлагаем установить в тексте п. 1 ст. 1362 ГК РФ обязанность истца доказывать изложенные в данной статье обстоятельства, за исключением уважительности причин неиспользования или ненадлежащего использования изобретения, которую должен доказывать правообладатель. Также необходимо издать на уровне Верховного Суда РФ руководящее обобщение практики применения процессуальных норм в спорах о принудительном лицензировании.

Однако сам факт того, что в рамках одного дела суды прямо противоположным образом истолковали взаимосвязанные положения ст. 1362 ГК РФ и ст. 65 АПК РФ, свидетельствует о наличии повода к обращению в Конституционный Суд РФ с жалобой о проверке конституционности этих норм. Также необходимо ждать и отслеживать, каким образом сложится соответствующая практика в последующих аналогичных делах, для того чтобы прибегнуть к механизмам конституционного нормоконтроля.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Васильковский Е. В. Учебник гражданского процесса. 2-е изд., перераб. М. : Бр. Башмаковы, 1917. 441 с.
2. Зорькин В. Д. Конституционное правосудие: процедура и смысл. СПб. : Конституционный Суд Российской Федерации, 2021. 154 с.

3. Кузнецова А. А. Материалы СМИ как особый вид не процессуальной информации // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. №1 (29). С. 284–287.

4. Лим А. А. Распределение обязанности доказывания в арбитражном процессе по российскому законодательству : научная специальность 12.00.15 «Гражданский процесс; арбитражный процесс» : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 202 с. (4)

5. Неведьев Е. А. Учебник русского гражданского судопроизводства : (Для студентов) / [Соч.] Е. А. Неведьева, заслуж. орд. проф. Моск. ун-та. 3-е изд. М. : тип. Моск. ун-та, 1909. 403 с.

6. Попов Б. В. Распределение доказательств между сторонами в гражданском процессе. Харьков, 1905. 379 с.

7. Туркин Р. Э. К вопросу о принудительных лицензиях в авторском праве // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2024. Сентябрь. № 3 (45). С. 61–72.

8. Тютрюмов И. М. Гражданский процесс. Юрьев : Изд. кн. магазина Я. Раудсеп, 1925. 695 с.

REFERENCES

1. Vaskovskii E.V. *Uchebnik grazhdanskogo protsessa* [Textbook of Civil Procedure]. 2nd ed., revised. Moscow, Br. Bashmakovy, 1917, 441 p. (in Russian)

2. Zorkin V.D. *Konstitutsionnoe pravosudie: protsedura i smysl* [Constitutional Justice: Procedure and Meaning.]. Saint Petersburg, The Constitutional Court of the Russian Federation Publ., 2021, 154 p. (in Russian)

3. Kuznetsova A.A. *Materialy SMI kak osobyi vid neprotsessualnoi informatsii* [Mass Media Materials as a Special Type of Non-Procedural Information]. *Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii* [Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2015, no. 1(29), pp. 284-287. (in Russian)

4. Lim A.A. *Raspredelenie obyazannosti dokazyvaniya v arbitrazhnom protsesse po rossiiskomu zakonodatel'stvu* [Distribution of the Burden of Proof in Arbitration Proceedings under Russian Legislation]. Cand. sci. diss. Moscow, 2008, 202 p. (in Russian).

5. Nefedev E.A. *Uchebnik russkogo grazhdanskogo sudoproizvodstva: (Dlya studentov)* [Textbook of Russian Civil Procedure: (For Students)]. 3rd ed. Moscow, Moscow Univ. Publ., 1909, 403 p. (in Russian)

6. Popov B.V. *Raspredelenie dokazatelstv mezhdu storonami v grazhdanskom protsesse* [Distribution of Evidence between Parties in Civil Proceedings]. Kharkov, 1905, 379 p. (in Russian).

7. Turkin R.E. *K voprosu o prinuditelnykh litsenziyakh v avtorskom prave* [On the Issue of Compulsory Licenses in Copyright Law]. *Zhurnal Suda po intellektualnym pravam* [Journal of the Intellectual Property Rights Court], 2024, no. 3(45), pp. 61-72. (in Russian)

8. Tyutryumov I.M. *Grazhdanskii protsess* [Civil Process]. Yuryev, Izd. kn. magazina Ya. Raudsep, 1925, 695 p. (in Russian)

Статья поступила в редакцию 23.09.2025; одобрена после рецензирования 22.11.2025; принята к публикации 11.02.2026

Received on 23.09.2025; approved on 22.11.2025; accepted for publication on 11.02.2026

Найденов Кирилл Дмитриевич – помощник адвоката в коллегии адвокатов «Брайт и партнеры» (Россия, 690003, г. Владивосток, ул. Рылеева, 8, оф. 1А), ORCID: 0009-0006-3161-0911, e-mail: kirillnaydenov2003@mail.ru

Naydenov Kirill Dmitrievich – Assistant Lawyer at the Brait and Partners Bar Association (office 1A, 8, Ryleev st., Vladivostok, 690003, Russian Federation), ORCID: 0009-0006-3161-0911, e-mail: kirillnaydenov2003@mail.ru